

© 2006 г. Е. Л. БЕРЕЗОВИЧ

О ЯВЛЕНИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КСЕНОМОТИВАЦИИ*

В настоящей статье, написанной на разноязычном языковом материале (данные славянских языков с особым вниманием к русским народным говорам, а также параллели из германских, романских и финно-угорских языков), анализируются ксенонимы – слова и фразеологические сочетания, возникшие в результате семантической деривации на основе этнонимов и топонимов (т.е. в ходе деонимизации) и мотивированные обобщенными представлениями о чужих народах и землях. Эти представления содержат оценку, которая чаще всего негативна (чужое как аномальное, “неправильное”, вредное, дикое и т.п.), а в редких случаях позитивна (чужое как лучшее по качеству). Ксенонимы составляют обширную мотивационную модель, при этом в каждой языковой и диалектной зоне фиксируется специфический набор производящих основ, который определяется историческими, социальными и культурными факторами (производящими основами становятся обозначения внешних врагов, этнических и территориальных соседей и др.). В статье выявляются основные лексические сферы, где функционируют ксенонимы, дается характеристика их структурных, смысловых и мотивационных особенностей.

Неотъемлемой частью картины мира является образ “чужого” мира – представления о чужих народах (этнографических группах) и землях. На языковом уровне такие представления отражаются разнообразно, причем наиболее информативны те единицы языка, которые возникли в результате семантической деривации на базе имен собственных: этнонимов (*цыган*, *француз*), микроэтнонимов (*пошехоны* – жители бассейна Шексны, *мазуры* – население северо-восточной части Польши), макротопонимов (*Америка*, *Сибирь*) и катойконимов (*москвич*, *парижанин*). Такие единицы могут функционировать как цельнооформленные лексемы или же входить в состав фразеологизмов. Какого рода информацию несут эти языковые факты?

Во-первых, дериваты этнонимов и топонимов могут выражать **знание о реальных, объективных свойствах**, атрибутах народа или территории. Чаще всего такое реальное знание характеризует особенности материальной культуры: русск. литер. *кашмир* ‘легкая шерстяная ткань, получившая свое название от кашемирских шалей, выработывавшихся из тонкой козьей шерсти в Кашмире’¹, польск. *plotek szwedzki* (“шведский заборчик”) – ‘деревянная конструкция для сушки сена’, англ. *Paris white* (“парижский белый”)

* Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ 04-04-00274а; РГНФ № 06-04-00591а. Расширенная версия статьи сдана в печать в сб.: *Имя: Семантическая аура* / Ред. Т.М. Николаева. М. (в печати). Автор выражает глубокую благодарность С.М. Толстой за ценные советы и консультации при разработке данной темы; хочется поблагодарить также Л. Кралика, высказавшего интересные соображения и любезно предоставившего возможность познакомиться с труднодоступной литературой по теме.

¹ При атрибуции иллюстративного материала для активной и широко распространенной лексики русского литературного языка (а также просторечия) и иностранных языков паспортизирующая справка не дается; в остальных случаях (для мало известной, пассивной, жаргонной и диалектной лексики) она приводится. Поскольку иллюстрации в основном извлечены из русских диалектных словарей, для русских языковых примеров дается указание на группу говоров. При повторном использовании одного и того же языкового факта паспортизирующая справка опускается.

‘мел для побелилки’, итал. *americano* ‘вермут, амаро и сельтерская – по-американски’, исп. *ventana italiana* ‘итальянское окно’ и мн. др.

Во-вторых, в итальянском изучаемых вторичных имен обнаруживается большая группа фактов, фиксирующих некоторый стереотип – **субъективно окрашенное мнение** о психологических особенностях инородцев, их образе жизни etc.: русск. литер. *китайские церемонии*, простореч. *негр* ‘о том, кто много работает, занимаясь тяжелым, непроизводительным трудом’, польск. *krakowiak* ‘о веселом и дерзком человеке’, англ. *the French* ‘грубое непристойное слово или выражение’, нем. *ein blinder Hesse* (“слепой житель земли Гессен”) ‘недальновидный человек’, франц. *italien* ‘ревнивый человек’ и т.п. Несмотря на то, что информация, выражаемая языковыми единицами этого типа, отличается изрядной долей субъективизма и яркой оценочностью, она является характеристикой о п р е д е л е н и о г о народа (территории) и не может быть обращена к любому другому объекту из того же ряда (допустим, сочетание *русская лень* нельзя свободно заменить на **китайскую* или **английскую лень*).

В-третьих, выделяются слова и фразеологизмы, приписывающие конкретному этносу или территории такие свойства, которые – в силу общих закономерностей оценки чужого (“ксенопсихологии”) – можно было бы отнести ко многим другим (если не ко всем) чужим народам и землям. Здесь мы имеем дело с наиболее субъективными характеристиками, причем степень субъективизма настолько велика, что происходит разрыв с реальным основанием для оценки: черты, “инкриминируемые” представителю того или иного народа, дают о нем **ирреальное, намеренно искаженное представление**, которое порой не имеет ничего общего с конкретной этнической культурой и историей. К примеру, при мотивационной интерпретации английской идиомы *Jew's harp* (“еврейская арфа”) ‘музыкальный инструмент варган’ [НБАРС, 2: 278] не помогает апелляция к исходному *Jew* ‘еврей’: варган отнюдь не является специфически “еврейским” инструментом (по происхождению или употреблению), он широко распространен по всему земному шару – и это фактически исключает возможность культурного заимствования. Примитивность варгана по сравнению с арфой заставляет трактовать прилагательное “еврейский” как качественное (пейоративное и ироническое по своему смысловому наполнению), а не относительное. Подобным образом можно объяснить фин. *Lapinkiuuri* (“саамский жаворонок”) ‘рогатый жаворонок, рюм (*Eremophila alpestris*)’ [ФРС: 312]. Рюм является “странным” жаворонком: в отличие от обычного жаворонка, он имеет “рожки” (удлиненные пучки черных перьев по бокам головы) и редко поет на лету; зона распространения рюма очень широка (Европа, Азия, Африка и Северная Америка) и никаким специальным образом не связана с местами проживания саамов. Логично предположить, что определение “саамский” в данном случае обозначает ‘странный, необычный’.

Факты такого рода (относящиеся к третьей из перечисленных выше групп семантических дериватов от названий чужих народов и земель) будут интересовать нас в настоящей статье. Эти языковые единицы скрываются “под маской” конкретного этнонимического или топонимического обозначения, но при этом отражают обобщенное представление о чужом как о примитивном, некультурном, диком, аномальном, неправильном etc. (гораздо реже чужое трактуется позитивно, что реализуется в признаке “лучшее по качеству”). Такое восприятие практически не детерминировано факторами культурно-исторического плана и может характеризовать не один конкретный этнос, этническую группу или территорию, а целый ряд объектов подобного рода. Воплощение обобщенного представления о чужом в мотивировках слов и фразеологизмов предлагается обозначить термином “**ксеномотивация**” (соответственно процесс образования таких единиц – термином “**ксенономинация**”, а языковые единицы, возникшие в результате этого процесса, – термином “**ксенонимы**”).

Важнейшее свойство ксенонимов как элементов лексической системы состоит в том, что их **этнонимическая (топонимическая) основа подвержена варьированию**, которое нивелирует “адресность” ономастических основ, создавая номинативные парадоксы. К примеру, настроившись “вычитывать” из ономастической внутренней формы фитони-

мов указание на родину (типичное место произрастания) растения, носитель языка может быть озадачен следующим рядом обозначений крыжовника (*Ribes grossularia*) в болгарском языке: *влашко грозде*, *нѣмско грозде*, *руско грозде*, *татарско грозде*, *френско грозде*, *Цариградско грозде* [Ахтаров: 262]; ср. также [Геров – Панчев: 317]. Появление этого ряда объясняется тем, что наименования фиксируют не “культурный адрес” крыжовника, а восприятие его как “неправильного”, “испорченного” = “чужого” винограда.

Приведем еще примеры вариантных обозначений одной реалии: в белорусском Полесье пятница, считающаяся опасным днем, называется *татарская нэдэля*, *татарско свато* (“татарское воскресенье”, “татарский праздник”) или же *польска неделя* (“польское воскресенье”) [Толстая 2005: 203]; в болгарских говорах улитка без раковины называется *турски дѣл’уф* (“турецкий слизень”) или *цигѣнски плѣжѣк* (“цыганский слизень”) [БД, 5: 47, 141]; птица камышовка-барсучок, чье пение напоминает трещание кузнечиков, в английских диалектах получает обозначения *Irish nightingale* (“ирландский соловей”) [EDD, III: 330] и *Scotch nightingale* (“шотландский соловей”) [EDD, V: 260], а дальнейшее снижение образа позволяет включить в этот ряд лягушку, которая называется *Dutch nightingale* (“голландский соловей”) [EDD, II: 217], и др. Такие параллели могут быть обнаружены и на межъязыковом уровне, ср. болг. *турчин-кукурчин* ‘насекомое наземный клоп-солдатик’ [Геров 5: 383] = укр. *москаль* [Гринченко, 2: 447], русск. простореч. *еврейский ответ* ‘ответ в форме вопроса’ [ЛЗА: Москва, Одесса] = англ. *Scotch answer* (“шотландский ответ”) [НБАРС, 3: 162].

Варьирование проявляется достаточно широко, но это не означает, что выбор производящих основ при ксенономинании не подчиняется каким-либо закономерностям. В рамках каждой локальной лингвокультурной традиции состав производящих основ, на базе которых создаются семантические дериваты, определен достаточно четко: эти основы содержат указания на территориальных соседей, противников в военных действиях, захватчиков и т.п. (к примеру, в английской языковой традиции наиболее активны дериваты от этнонимов “шотландец”, “ирландец”, “голландец”). Если набор основ предопределен, то в некотором смысле случайной является связь между значениями производящей основы и производного слова. Случайность в данном случае означает, что **разные производящие основы**, каждая из которых имеет свое конкретное (предельно конкретное – ономастическое!) значение, могут дать **одну и ту же производную мотивационную семантику**. Так, колючие растения родов *Carduus*, *Carex*, *Cirsium* и *Xanthium*, известные русским как *чертополох*, *репейник*, *осока*, получают разнообразные “инородческие” наименования, в основу которых в каждом языке положено обозначение “своего” чужака: русские выбирают на эту роль татарина, мордвина, еврея или вообще “басурманина” (русс. нижегор. *мордвинник*, нижегор. *царь-мордвин*, влг. *царь-мурат*, орл. *татарин*, симб. *бусурманская трава*, влг. *жидовское кресло* [Анненков: 84, 100]), сербы – турка (серб. *турек*, *турка* [Симоновић: 97]), болгары – черкеса (болг. *черкезки тръни* [Ахтаров: 544]), карелы – шведа или финна (карел. *ruočihiein’ ä* (“шведская (финская) трава”) [СКЯ-Пунжина: 244]), финны – саама (фин. *lapinsara* (“саамская осока”) [ФРС: 312]). Конкретные этнические особенности в данном случае не подвергаются номинативной обработке, а основой для семантической деривации становятся признаки “опасный”, “вредный”, “неприятный”.

Однако далеко не всегда индивидуальные свойства реалии, стоящей за производящим словом, нивелируются в процессе ксенономинании. Нередко они используются в номинативном акте, становясь как бы субстратом, на который накладывается ксеноконнотация. Например, польский фразеологизм *żydowskie morze* ‘песчаная дорога’ [Kałowicz, 6: 453], вероятно, отсылает к представлениям о скитаниях евреев по пустыне, но оксюморон, содержащийся в этом выражении и эксплицирующий идею аномального, “перевернутого”, а также наличие “цыганской” номинативной параллели (польск. *cygańskie błoto* ‘глубокие пески’ [SW, 1: 358], *cygańska woda* ‘глубокие и рыхлые пески, песчаная почва’ («В деревне при обилии воды цыганской (песка) недостаток воды “натуральной”»)) [SGP, IV / 3: 580]) заставляет думать о наложении на “реальную” мотивировку ксеномотивации.

Очевидно, есть смысл говорить о своеобразной шкале, на которой могут быть помещены языковые факты, образованные от названий чужих народов или земель. На одном полюсе этой шкалы будут расположены характеризующие номинации, имеющие под собой реальное основание – объективное или субъективно-преломленное, на другом – оценочно-нейтрализующие (т.е. факты ксенономинаций). “Крайних” случаев в функционирующей языковой стихии не так много; основная масса языковых единиц расположена внутри шкалы, на разном смысловом расстоянии от ее полюсов.

По своей **структуре** ксенонимы разнообразны, назовем лишь самые частотные типы. Среди ксенонимов встречаются **однословные семантические дериваты**: русск. астрах. *немец* ‘мешок с песком, землей и т.п., используемый как балласт на некоторых лодках’ [СРНГ, 21: 78], пск. *омазуриться* ‘стать бесчестным человеком, мошенником’ [СРНГ, 23: 196], укр. *жидики* ‘растение *Bidens*, череда’ [ГГ: 70], блр. *цыгань* ‘кожаные лапти’ [СПЗБ, 5: 369], польск. *szwabić* ‘красть’ [SW, VI: 690], англ. *chinaman* (“китаец”) ‘крученный мяч, брошенный левой рукой, в крикете’ [НБАРС, 1: 364] и т.п.

Наиболее “развернутый” структурный тип – **предикативные фразеологические сочетания**: русск. пск. *литва пошла* ‘о начале брани, склоки’ [СПП: 49], кашуб. *švežě meljo krěpě [na žarnaχ]* (“шведы крупу мелют”) ‘идет мелкий сухой снег’ [Syhta, V: 311], англ. *I’m a Dutchman, if I do!* (“я голландец, если...”) ‘провалиться мне на этом месте, если...’ [Мюллер: 229].

Самыми распространенными можно считать **двусловные атрибутивные конструкции**, между компонентами которых – в зависимости от их роли в создании идиоматического смысла всего выражения – устанавливаются **разные типы отношений** (при этом “нулевой” тип – сочетания, в которых определение и определяемое слово прочитываются в их прямом значении, и идиоматичность, равно как и ксеномотивация, практически отсутствует, ср. русск. *ирландский сеттер*, *французский хлеб*, англ. *Russian doll* (“русская кукла”) ‘матрешка’ и др.).

Первый тип – **сочетания с сильным атрибутивным компонентом**, за счет которого происходит модификация смысла всего сочетания. Ср. примеры вроде русск. костр. *татарская ива* ‘ива, с которой не дерется кора’ [ЛК ТЭ], укр. *жидівська курка* ‘куропатка’ [Аркушин, 1: 155], англ. *Chinaman’s chance* (“китайский шанс”) ‘весьма слабый, ничтожный шанс на успех, заработок и т.п.’ [НБАРС, 1: 364], нем. *Tatarennachricht* (“татарское известие”) ‘страшное известие, ужасы’ [БНРС, II: 422] и др., в которых опорное слово читается в прямом смысле, а определение в переносном: ива – но особая (“татарская” = не идущая “в дело”).

Второй тип – **сочетания с сильным определяемым словом**, создающим номинативный парадокс (в то время как определение не содержит смыслового сдвига или же он минимален): русск. орл. *сибирский ананас* ‘ягодный кустарник облепиха’ [СОГ, 13: 113], сиб. *сибирская роза* ‘крапива’ [ФСРГС: 121], ср.-урал. *уральский виноград* ‘крыжовник’ [ЛЗА], польск. *ruska narkoza* (“русский наркоз”) ‘резиновая дубинка’, ‘оглушение кого-л. чем-л.’, *ruskie perfumy* (“русская парфюмерия”) ‘газамет’ [Bartmiński, Lappo, Majer-Baranowska 2002: 114] etc. Здесь ограничены возможности варьирования производящей основы и ксеномотивационный компонент почти не ощутим, но все же он присутствует, поскольку за языковыми фактами стоят пропозиции такого рода: «в Сибири не растут ананасы, зато есть облепиха, которую можно считать “странным”, т.е. сибирским, ананасом».

Третий тип – сочетания, где **оба компонента содержат смысловой сдвиг**, русск. олон. *жидовские яблоки*, *жидовские яйца* ‘растения из пасленовых: первое из них с красными плодами, сходными с помидорами, второе с белыми плодами, и формой, и величиной напоминающими куриное яйцо’ [Куликовский: 23], херс. *жидовская корова* ‘коза’ [Дальз, I: 1346], болг. *циганско мякло* ‘род водки’ [ФРБЕ, 2: 498], *влашки ябълки* (“румынские яблоки”) ‘растение колючник, *Carlina acanthifolia*’ [Ахтаров: 344], словац. *cigánski zub* ‘зуб бороны’ [SSN, I: 210], ср. также англ. *Irish hurricane* (“ирландский ураган”) ‘полный штиль’ [Partridge: 600] etc. Элементы таких оксюморонных сочетаний подыгрывают

друг другу: водка превращается в молоко, если она “цыганская”; если можно назвать козу коровой, то “еврейской” и др.

От этих трех случаев следует отличать четвертый, когда в ходе семантической деривации отношения между компонентами фразеологизма не изменяются (как правило, это означает появление переносного значения у закрепленного уже в системе языка идиоматического сочетания): русск. костр. *французские тени* ‘синяк под глазом’ [ЛК ТЭ], польск. *egipskie baranki* (“египетские барашки”) ‘блохи’ [Komenda: 17], англ. *Russian bear* (“русский медведь”) ‘коктейль из водки, ликера-какао и сливок’ [НБАРС, 3: 128], нем. *Judenbart* (“еврейская борода”) ‘камнеломка ползучая, *Saxifraga sarmentosa* L.’ [БНРС, 1: 684].

Ксеномотивация (ксенономинация) представлена в различных тематических сферах языка. При этом закономерности “комплектации” сфер, осуществляемой языком, просматриваются вполне определенно и являются гораздо более жесткими, чем, к примеру, в системе нейтральных (“объективных”) дериватов от названий чужих народов и земель (типа *кашемир* или *ирландский сеттер*). В последнем случае языковая система “фотографирует” весь диапазон культурных контактов между народами, т.е. отражает внеязыковые условия и обстоятельства (которые, как известно, являются “рыхлыми” и труднопредсказуемыми), в то время как при ксеномотивации выбор тематических сфер в большей степени направляется внутриязыковыми предпочтениями, логикой языковой экспрессии, особенностями номинативной разработки признаков “аномальный”, “странный”, “неправильный” и др. (поэтому сам спектр тематических сфер относительно неширок).

Чтобы выявить языковые предпочтения, о которых идет речь, приведем перечень наиболее репрезентативных тематических сфер, в каждой из которых представим развернутые (но, разумеется, отнюдь не исчерпывающие) иллюстративные ряды. Следует отметить, что языковой материал собран весьма неравномерно: основу его составляют данные русского языка – преимущественно диалектов, в меньшей степени – жаргонов и просторечия, которые дополнены фактами других славянских языков (в первую очередь, диалектными). Иногда приводятся параллели из германских и романских языков (большей частью английские), спорадически – данные финно-угорских языков. Думается, что для решения наших задач такая неоднородность извинительна: нам важно доказать сам факт существования модели. Есть и достаточно веские субъективные причины, оправдывающие “отрывочность” материала: лексикографы по понятным соображениям “политкорректности” (особенно в советское время) нередко не включали ксенонимы в словари, что мешает системному осмыслению ксенонимии. Несмотря на все это, материал достаточно объемный. Для его ограничения в настоящей статье анализируются только те ксенонимы, которые имеют негативные коннотации; ксенонимии с мелиоративными коннотациями встречаются значительно реже, охватывают меньшее количество тематических групп (в основном они сконцентрированы в группе “АРТЕ-ФАКТЫ”), – поэтому есть смысл описать их отдельно, в другом месте.

ПРИРОДА

Небесные светила. Ксеномотивация затрагивает обозначения ночных светил – луны (месяца) и созвездий.

В славянской народной традиции луна воспринимается как “неправильное” солнце, “испорченный двойник” солнца: русск. сарат. *мордовское солнышко, мордовская копечка* ‘о луне’ [СРНГ, 18: 260], влг. *казанское солнышко* ‘о месяце во время осенней жатвы’ [СРНГ, 12: 310], краснодар. *цыганское солнце* ‘луна’ [КСРНГ], укр. *циганське сонце* ‘месяц’ [ФСУМ, 2: 843]; ср. также англ. сленг. *Paddy’s lantern* (“светильник Пэдди-ирландца”) ‘луна’ [Partridge: 848].

Так же, как луна составляет пару к солнцу, некоторые созвездия могут составлять пару к другим – более крупным, ясно видимым. К примеру, Кассиопея, Малая Медведица или Плеяды трактуются как “сниженный двойник” Большой Медведицы – самого ярко-

го и четко различимого объекта звездного неба для народов северного полушария: русск. поволож., севернорус., урал., сиб. *Лось* ‘Большая Медведица’ [СРНГ, 17: 155] – арх. *Остяцкая Лось* ‘созвездие Кассиопея’ [СРНГ, 24: 95], печор. *Немецкий Лось* ‘созвездие Плеяды’ [СРГНП, 1: 475]; финское название Большой Медведицы – *Otava* (*Suomen Otava* ‘финская Большая Медведица’) входит в оппозицию с астроными *Ryssän Otava*, *Venäjäin Otava* (“русская Большая Медведица”) ‘Кассиопея’ [Рут 1988: 86], *Lapin Otava* (“саамская Большая Медведица”) ‘Малая Медведица’ [ФРС: 428], *Ruotsin Otava* (“шведская Большая Медведица”) ‘то же’ [SKES: 442].

Погодные явления. При обозначении погодных явлений ведущими становятся признаки “аномальный”, “дикий”, “странный”, при этом в первую очередь ксеномотивация затрагивает обозначения необычных, “феноменальных” природных явлений. Это **грибной дождь**: арх. *чуди задавились, чудь удавилась* [КСГРС], блр. *цыганьскі дож* [СПЗБ, 5: 369], *жыдоўскі дождж* [Кондратенко 2000: 101], укр. *цыганське весілля* (“цыганская свадьба”) [Кондратенко 2000: 101], с.-хорв. *жени се Циганин, родило се Циганче, Цигани се ј... рађају се Цигани* [Толстой 1997: 205], болг. *кога на една страна дъжди, а на другата греє слънце, се женели египците (цыгани)* [Азим-Заде 1979: 155–156]; **радуга** (двойная радуга): укр. *цыганска райдуга* ‘двойная радуга’ [Кондратенко 2000: 101], *жэдиўска весніўка* ‘о темной полосе в радуге’ [Белова 2004: 144]; **воробьиная ночь** (грозовая ночь с молниями, но без грома): русск. влг. *чухари² пляшут* ‘о грозе без грома’ [КСГРС]); **движение туч, облаков**: польск. *cygany (cygani) idą (jadą)* ‘о надвигающихся грозовых тучах’ [SGP, IV / 3: 577], н.-луж. *budycharé se smeju* (“жители Будышина смеются”) ‘прояснение неба’ [Кондратенко 2000: 101]; ср. англ. *Dutchman's breeches* (“бриджи голландца”) ‘(в речи моряков) кусок голубого неба в разрыве туч, просвет в тучах’ [НБАРС, 1: 634]; **сильный холод, мороз**: русск. арх. *цыганский жар* ‘трескучий мороз’ [СРНГ, 9: 72], укр. *цыганське тепло* ‘низкая температура, мороз’ [ФСУМ, 2: 880], чеш. *tatarský mráz* ‘сильный мороз’, *tatarská zima* ‘очень холодная зима’ [PSJČ, VI: 47], чеш. *cikánský mraz* ‘сильный мороз’, *cikánská zima* ‘очень холодная зима (ее только цыган выдержит)’ [PSJČ, I: 253], чеш. *cigánská rosa* ‘сильный мороз’, ‘утренний или вечерний заморозок осенью или весной’ [Кондратенко 2000: 101]; **оттепель, необычно теплая погода (в том числе бабье лето)**: русск. влг. *цыганская зима* ‘теплая малоснежная зима’ [КСГРС], блр. *цыганьско сонце* ‘о пригревающем февральском солнце’ [БД ПА: Золотуха Калинковичского р-на Гомельской обл.], болг. *цыганско лято* ‘последние теплые дни в сентябре, которые обычно наступают после Димитрова дня’ [ФРБЕ, 2: 498], макед. *цыганско лето* ‘последние теплые дни осени’ [РМЕ, III: 515], серб. *цыганско лето* ‘период времени в 12 дней после Димитрова дня’ [Јовановић: 668]; ср. англ. *Indian summer* ‘бабье лето’ [НБАРС, 2: 228], нем. *Indianersommer* ‘то же’ [Komenda: 53]; **туман**: русск. костр. *вятский баню топят, вятский дымок* ‘о тумане’ [ЛК ТЭ], укр. *волян*. [у нас кажуть.] *туман цыгань напускають* [БД ПА: Щедрогор Ратновск. р-на Волыньск. обл.]; ср. также англ. *Scotch dew / drizzle* (“шотландская роса / изморось”) ‘туман’ [EDD, V: 260]; **осадки**: блр. *цыгански дождь* ‘дождь со снегом’ [БД ПА: Стодоличи Лельчицк. р-на Гомельск. обл.], чеш. *cigánská rosa* ‘иней’, болг. *цыгански сняг* ‘первый снег’ [Кондратенко 2000: 101], серб.-хорв. *цїгани, цїганчићи* ‘мелкий град, снежная крупа’ [РСХКЈ, 6: 791], кашуб. *švejďé jadu* (“шведы едут”) ‘собирается дождь’, *švejźe skubō gąsē* (“шведы гусей щиплют”) ‘снег падает крупными хлопьями’ [Sychta, V: 311]; **ветер**: русск. ср.-урал. *пермяки поехали* ‘о ветре, несущем дождь’ [ЛЗА], арх. *зыряк, зыряк-дурак* (*Зыряк нехороший ветер, он хуже севера; Зыряк-дурак, перестань!*) [КСГРС]³, болг. *цыгански ветар* ‘северо-западный ветер’ [Кондратенко 2000: 101].

Фауна. Из всех названий представителей животного мира наиболее восприимчивыми к образам инородцев оказываются обозначения **НАСЕКОМЫХ**. Эти образы объединены

² Ср. арх., влг. *чухари (чухарики)* ‘ироничное название вепсов’ [КСГРС].

³ Ср. арх., влг. *зыряк* ‘зырянин, житель республики Коми’ [КСГРС].

признаками “нежданного появления (= вторжения)” (основанном на “колониальном” способе передвижения насекомых), “появления во множестве”, “вредоносности”.

Самая яркая модель – **тараканья** (номинации подвергается чаще всего рыжий таракан *Blattella germanica*, реже – черный *Blatta orientalis*): русск. лит. *прусак*, арх. *немец*, *француз*, *чудак* (< *чудь*), влг. *пошехон*⁴, *русский таракан* [КСГРС], пск. *киргиз* [СРНГ, 13: 219], влг., калин. *прусок* [СРНГ, 35: 267], влг. *цыгане* [Даль², IV: 575], русск. пск. *швед* [Опыт: 264], укр. *прус(ак)*, *шваб*, *швед*, *жидочок*, *козак* [Дзендзелівський: 241], блр. *прус*, *прусок* [ЭСБМ, 10: 47], польск. *prusak*, *persak*, *francuz* [SW, I: 771], кашуб. *francuz* [Suchta, I: 286], чеш. *šváb*, *rus* [PSJČ, V: 1024; IV / 2:1075], серб.-хорв. *бубаишваба*, *рус* [РС-ХКJ, I: 292; 5: 586], словен. *rús* [Snoj: 634]; ср. также нем. *Franzose*, *Russe* [Komenda: 42, 81], нем. *Schwabe*, итал. диал. *sciavo* (“славянин”) [Kluge: 829], франц. *allemand* (“немец”) [Winkler: 332], фин. *ruotsintorakka* (“шведский таракан”) [НБРФинС: 1341], венг. *sváb-bogár* [ВРС: 1130] и др. Несмотря на возможность взаимодействия народной языковой традиции с научной номенклатурой (ср. номенклатурные определения *germanica* и *orientalis*, которые, очевидно, способствуют распространению модели), а также проявление фактора народной этимологии (образ шваба в немецком языке мог возникнуть при переосмыслении *Schabe* ‘таракан’ [Kluge: 788], форма *прусок* в русском – при игровой трансформации формы *прусак* и т.п.), широта и разнообразие модели не позволяют усомниться в ее “ксеномотивационной” природе.

Открыты для образов инородцев наименования других вредоносных насекомых, в том числе **вредителей посевов**: русск. нврс. *прус* ‘кобылка, нередко поедающая хлеб’ [Даль², III: 529], влг. *швед* ‘насекомое-вредитель’ [КСГРС], блр. *жмодзь* ‘саранча’ (< ‘литовец’) [ЭСБМ, 3: 231], блр., укр. *швед* ‘насекомое отряда жуков, личинки которого точат дерево’ [ЖС: 95; Аркушин, 2: 260], польск. *szwedka* ‘*Oscinella frit*, муха из породы Chloropidae, вредитель зерновых’ [SJP-Dor, 8: 1210], а также разного рода **паразитов, кусающих насекомых** и т.п.: русск. карел. *американец* ‘слепень’ [СРГК, 1: 19], блр. *нимцы* ‘маленькие серые оводы’ – *австрийцы* ‘зеленые оводы’ [БД ПА: Олтуш Малоритск. р-на Брестск. обл.], укр. *жидок* ‘насекомое *Nargalus ruficornis*; муравей маленькой породы, светлый, водящийся в домах’ [Гринченко, 1: 483], *шваб* ‘насекомое *Scarabus scheidleri*’ [Гринченко, 4: 488], *татарка* ‘божья коровка’ [Дзендзелівський: 238], чеш. *němci* ‘муравьи, обитающие в траве’ [Kott (př.1): 184], словац. *francúz* ‘вид жуков’ [SSN, I: 459]; ср. англ. (амер.) *Okie* (“уроженец Оклахомы”) ‘ушной паразит’, англ. *Scotchmen* ‘вши’, порт. *inglês* ‘клоп’, итал. *francese*, *spagnolo* ‘вошь’ [Winkler 1994: 332] etc.

Что касается образов **птиц**, то здесь используются признаки “появляющийся издалека”, “появляющийся во множестве”, “непонятно говорящий”, “вредящий”. Самые “подходящие” для образов инородцев птицы – воробей и угод. **Воробей** может быть мотивационно приравнен к саранче (правда, значим еще звуковой признак, интерпретируемый как непонятная, чужая речь): русск. новг., тамб., курск., куйб. *жид* [СРНГ, 9: 168], польск. *tazurek*, *zydek* [SW, VIII: 732], укр. *жид*, *жидок* [Аркушин, 1: 155], блр. *мазурак*, *жыд*, *жыдок*, *жыдзюк* [ЖС: 41]. **Угод** тоже собирает большое количество разнообразных инородческих образов: русск. нвсиб. *татарский петушок* [СРГНО: 533], укр. *нимец* [БД ПА: Любязь Любешовск. р-на Волынк. обл.], *вудвуд жидовскі*, блр. *еврейска зозуля*, *московська зозуля*, польск. *żydowska zazula* и др. [Гура 1997: 599–600], болг. *циганско петля*, *черкез* [Геров 5: 524]. “Инородческие” образы хорошо приспособлены для передачи следующих черт образа удода: “перелетная птица, прилетающая из жарких стран”, “издает глухой крик”, “имеет необычный вид”; дополнительный “индивидуализирующий” момент – признак резкого неприятного запаха мяса этой птицы (ср. устойчиво фиксируемое в народной культуре представление о неприятном запахе многих инородцев [Белова 2005: 58–61; СД, 2: 269]). Ср. также некоторые другие птицы об-

⁴ “Инородческое” происхождение данного наименования подтверждается широкой распространенностью на Вологодчине представлений об отсталости пошехонов (жителей бассейна р. Шексна), ср. *Пошехоны такой народ зовут – ни туды, ни суды – нукудышный* [КСГРС].

разы, мотивационно сходные с представленными выше: русск. *чухонский попугай* ‘птица клест, с перекрещенным клювом, *Loxia curvirosta*’ [Даль₂, IV: 616], дон. *панская сорочка* ‘маленькая птица семейства вороновых’ [СРНГ, 25: 198], новг. *киевская ведьма* ‘сорока’ [СРНГ, 13: 201], влг. *татарка-воронка* ‘порода птиц’ [КСГРС], укр. *жидівочка* ‘птица синюк’ [Гринченко, 1: 483], блр. *жыдоўски голубь* ‘дикий голубь’ [БД ПА: Вышевичи Радомышльск. р-на Житомирск. обл.], болг. *турче* ‘шегол’ [Гура 1997: 743], *цїганчица* ‘маленькая коричневая птичка, похожая на воробья’ [БД, 5: 216] и т.п.

Среди названий *рыб* и *пресмыкающихся* ксеномотивация используется преимущественно для обозначения *мелкой рыбы* с невысокой промысловой ценностью, **мальков**: русск. арх. *лопарь* ‘малек леща’, *лопарёк* ‘головастик’ [КСГРС], твер. *жидолка* ‘рыба *Bositis taenia*; щиповка, голец, подкаменщик’ [СРНГ, 9: 170], укр. *цыганська риба* ‘головастик’ [Гринченко, 4: 428], болг. *цыганскы рыбы* ‘головастики’ [Геров, 5: 524], слвц. *sigánska gerka* ‘головастик’ [SSN, I: 210], блр. *цыганка* ‘плотва’ [ТС, 5: 280], *жыдок* ‘рыба верховодка’ [ЖС: 68], болг. *цыганчица* ‘рыба *Gobio fluviatilis*, пескарь’ [Геров, 5: 524].

Растения. В данной сфере наиболее актуален признак “дикий”, причем чаще всего дикое растение оказывается “сниженным двойником” культурного. К примеру, несколько таких “двойников” обнаруживается у льна: в русских говорах “культурному” льну противопоставлен *сибирский лен* ‘на месте, дикий, плоше сеяного’ [Даль₂, IV: 180]; в украинском языке ‘сорт льна, семя которого не вылущивается само собой’ называется *москаль* [Гринченко, 2: 447]; в английских диалектах для обозначения растения *Camelina sativa* (‘рыжик посевной – масляная культура, которая нередко засоряет посевы льна’) используется фитоним *Dutch flax* (“голландский лен”) [EDD, II: 217]. Ср. также примеры других “двойников”: {малина} – *малина калмыцкая* ‘степная; бирючие ягоды’ [Даль₂, II: 292], {капуста} – *капуста татарская, бакирская* ‘кислец, растение *Polygonum polygonum* (употребляется как щавель)’ [Анненков: 265], {шпинат} – болг. *влашки спанакъ* (“румынский шпинат”) ‘дикий шпинат, *Chenopodium bonus*’ [Ахтаров: 344] и т.п.

Еще один вариант ксеномотивации такого рода состоит в том, что образ инородца как бы приписывает растению “суррогатные” свойства, т.е. указывает на возможность использования растения для приготовления ненастоящего мыла, чая, кофе и др. Так, растение *Saponaia officinalis*, содержащее сапонин (который при растворении в воде дает обильную пену), называется в русском языке *татарское мыло, шведка, арапка* [Анненков: 315–316], влг. *цыганское мыло* [КСГРС]; ср. названия других растений со сходными свойствами: русск. тамб. *калмыцкое мыло* ‘растение *Lychnis viscaria* L., смолка’ [Анненков: 201], словац. *sigáňske midlo* (“цыганское мыло”) ‘растение грыжник, *Nemifia hirsuta*’ [SSN, I: 210].

В ряде случаев ксенонимы используются для обозначения новых, необычных, “диких” растений, к которым поначалу относятся настороженно. Характерны, к примеру, названия **помидора** (*Lycopersicon esculentum*): русск. липец., ворон. *заморское яблочко* [СРНГ, 10: 257], дон. *цыганки* (*Цыганков насажала фсяких разных сартоф*) [БТДК: 567], болг. *френскы патлжджане* (“французские баклажаны”) [Геров, 5: 475], ср. также англ. *Irish lemons* (“ирландские лимоны”) [EDD, III: 330], *Jew’s ears* (“еврейские уши”) [EDD, III: 361].

Негативные коннотации могут быть усилены при актуализации признака “вредный”. Ср. примеры названий **ядовитых растений**: русск. *китайские бобы* ‘растение *Struchnos Ignatia*, ядовитое аптечное зелье’ [Даль₂, I: 101], русск. *вишня жидовская, яблоко жидовское*, укр. *груши жидівські*, нем. *Judendeckel* ‘растение *Physalis Alkekengi*, имеющее ядовитые плоды’ [Анненков: 250–251], русск. пск. *заграничное вишенье* ‘то же’ [ПОС, 10: 234], чеш. *židovská třeřeň* ‘то же’ [PSJČ, VIII: 1043]; **несъедобных** (или считающихся несъедобными) **грибов**: русск. ср.-урал. *татарик* ‘несъедобный гриб’ [СРГСУ, 6: 90], тамб. *чужак* ‘несъедобный гриб’ [Губарева: 62], арх. *цыганский дым*, влг. *цыганский табак* ‘гриб-дождевик’ [КСГРС], одесск. *цыганские грибы* ‘ядовитые грибы’ [СРГО, 2: 269], укр. *жидки* ‘гриб *Agaricus vernalis*’ [Гринченко, 1: 483], чеш. *žid* ‘несъедобный гриб вообще, поганка’ [PSJČ, VIII: 1040]; **растений с резким или опьяняющим запахом**: укр.

жидівські лехехи, татарське зілля 'аир' [Гринченко, 1: 483; 4: 429], блр. *татарнік* 'то же' [ТС, 5: 136], польск. *tatarski korzeń, tatarak*, чеш. *tatarak* 'то же' [Анненков: 8], польск. *żydówka* 'красавка, белладонна, сонная одурь' [SW, VIII: 733], болг. *турско цвете* 'растение Spiraea Ulmaria, таволга болотная' [Геров, 5: 382], болг. *влашки лукъ* ("румынский лук") 'чеснок' [Ахтаров: 344], чеш. *židovská vanilka* 'то же' [SSJČ, IV: 918], ср. также англ. *Italian perfume* ("итальянская парфюмерия") 'то же' [Winkler: 334] и др.

АРТЕФАКТЫ

В данной группе общая пейоративная семантика уточняется как "некачественный" – с дальнейшей конкретизацией.

Переработка сырья, материалов. Здесь признак "некачественный" трансформируется в признаки "бесполезный, ненужный" (с возможным развитием далее в двух различных направлениях: "лишний" или, наоборот, "отсутствующий") и "суррогатный". Признак бесполезности реализуют обозначения **остатков, отходов, побочных продуктов переработки**: русск. влг. *французы* 'отходы при молотье, непригодные в корм (с крупной остью)' [КСГРС], влг. *хранцузики* 'подгоревшие при жарке вытопки от сала' (*Хранцузики горелые на сковородке*) [КСГРС], влг. *пошехоны спрятались* 'о хлебе со вздувшейся коркой' [КСГРС], укр. *цигани* 'подгорелые коржи' [Аркушин, 2: 240], швед 'шкварка' [Аркушин, 2: 260], блр. *швэді, швэды* 'шкварки' [ДСБ: 260], польск. *szwedy* 'шперки, крупные шкварки от сала' [SW, VI: 693], чеш. *žid* 'остаток (железа) при плавке, шлак' [PSJČ, VIII: 1040], слов. *cigánská blcha* 'отходы стали при изготовлении ножей' [SSN, I: 210]. Признак "суррогатности" представлен, к примеру, в названиях металлов – и в первую очередь в обозначениях разного рода **сплавов**, которые являются **имитацией благородных металлов**: русск. *французское золото* 'самое плохое, низкопробное' [Даль, IV: 538], *американское золото* 'томпак: сорт латуни, представляющий собой сплав меди с цинком' [Айрапетян 2001: 289], *еврейское золото* 'сплав, имитирующий золото' [Борхвальдт 2000: 401], польск. *złoto żydowskie* 'соединение серы и олова, используемое для покрытия бронзой, "золото" для мозаичных работ' [SW, II: 1075], *chińskie srebro* 'сплав цинка, меди и никеля' [Komenda: 32], ср. также англ. *Dutch gold* ("голландское золото") 'сплав меди и цинка – дешевая имитация золотого покрытия' [Мюллер: 229], *German silver* 'нейзильбер (сплав меди с цинком и никелем)', 'мельхиор' [НБАРС, 2: 24], *Gipsy gold* ("цыганское золото") 'отражение огня на посуде из драгоценных металлов' [OED, VIII: 524], нидерл. *Russisch zilver* ("русское серебро") 'нейзильбер' [Van Dale].

Признак "лишний" или "пропущенный" представлен в обозначениях разного рода **огрехов** (при севе, косьбе, тканье): русск. влг. *татаров оставить* 'оставить огрехи при косьбе', влг. *татары пришли* 'об огрехах при косьбе', влг. *чухарик* 'брак на ткани – выделяющаяся полоска утка от ошибки ткачихи в переступании подножек ткацкого станка' [КСГРС], укр. *жид* 'пропущенное место во время сева вручную', *жидок* 'пропуск при косьбе' [Аркушин, 1: 155], *жид* 'пропуск при пахоте' [ГТ: 70].

Устройства и приспособления. В этой группе ксенонимов преобладают признаки "примитивный, элементарный", "импровизированный". **Примитивные приспособления**, обозначаемые ксенонимами, обычно являются самодельными, кустарными: русск. влг. *татарская мельница* 'ручная обдирочная мельница, крупорушка' [КСГРС], ср.-урал. *пермские кораллы* "'бусы" из ягод' [ЛЗА], *цыганские кораллы* 'продолговатые бусы коричневого цвета' [СРГНО: 577], польск. *cyganiek* 'вид лампы без стекла' [SGP, IV / 3: 578], польск. *żydek* 'маленькая жестяная лампа без стекла' [SW, VIII: 732], чеш. *žid* 'пуговица без дырок, обшитая тканью' [PSJČ, VIII: 1040], русск. краснодар. *цыганка* 'большая толстая игла; применяется для шорных работ, для штопки шерстяных изделий' [КСРНГ], укр. *цыганська голка* 'большая толстая игла' [Гринченко, 4: 429], серб.-хорв. *цигански клинци* 'вид гвоздя, который используют кустарные кузнецы, а не фабричного производства' [Елезовић, 2: 421], болг. *цигънски гъздий* 'гвоздь, сделанный вручную, кованый гвоздь' [БД, 7: 166], словац. *cigánski gvusc, cigánski klinec* 'вид гвоздя с большой

головной’ [SSN, I: 209–210], болг. *цигънски дърък* (“цыганский гребень”) ‘самодельный гребень для обработки шерсти, пеньки и др.’, *цигънску ръшѣту* (“цыганское решето”) ‘жестяное сито с крупными отверстиями’ [БД, 7: 166]. Несмотря на то, что в “цыганских” наименованиях разного рода кованных изделий весьма значима культурная подоплека (на разных территориях славянского мира цыгане были кузнецами [СД, 3: 22], согласно славянским легендам, цыган (цыганка) спрятал гвоздь для распятия Христа [Белова 2004: 78–81]), по своим мотивационным особенностям они вписываются в ряд других инородческих наименований артефактов, что позволяет усматривать в этих названиях элемент ксеномотивации.

Следует привести также примеры названий **складных, легких в использовании устройств**: укр. *жидок, жидючок, циганик, циганок* ‘небольшой складной нож (как правило, самодельный)’ [Аркушин, 1: 155; 2: 240], блр. *цыганік* ‘перочинный ножик’ [ДСБ: 250], польск. *żydek, cyganek* ‘складной нож, перочинный ножик (в деревянной оправе)’ [SW, VIII: 732], *цыганка* ‘рычаг, связывающий подножку самопрялки с осью колеса’ [СРГА, 4: 203]; очевидно, сюда же влг. *кайбан*⁵ ‘складное приспособление для сушки белья, кож’ [КСГРС], карел. (русск.) *финский стол* ‘стол на боковых перекрещивающихся ножках’ [СРГК, 6: 684]; ср. также англ. *gipsy table* (“цыганский стол”) ‘легкий круглый стол, в основании которого находятся три скрещенные палки’, *gipsy winch* (“цыганская лебедка”) ‘небольшая лебедка, состоящая из барабана, храповика и собачки и прикрепляемая к столбу’ [OED, VII: 524].

Пицца. Здесь реализуются признаки “плохо обработанный”, “приготовленный на скорую руку”, “суррогатный”. Это в первую очередь “цыганские” и “татарские” наименования примитивных блюд из **картошки и мяса**: карел. (русск.) *татапка* ‘печеный картофель’ [СРГК, 6: 444], русск. нвсиб. *цыганка* ‘блюдо из вареного картофеля с конопляным маслом’ [СРГНО: 577], блр. *цыгані* ‘половинки неочищенной вареной картошки’ [СПЗБ, 5: 369]; русск. арх. *цыганские шти* ‘мясное блюдо типа холодца с большим количеством лука’ [КСГРС], словен. *tatarski biftek* (“татарский бифштек”) ‘измельченное сырое говяжье филе с приправами’, *ciganski golaž* (“цыганский гуляш”) ‘гуляш из двух сортов мяса, сала, картофеля и паприки’ [SSKJ, I: 250; V: 36], польск. *tatar, befsztyk tatarski* (“татарин”, “татарский бифштек”) ‘сырое измельченное мясо (говядина или конина) с приправами’ [SJP-Dor, 9: 68, 69], польск. *stek po cygańsku*, ср. нем. *Zigeunersteak, Zigeunerschnitzel* (“цыганский стейк, цыганский пницель”) ‘непанированный, жареный кусок свинины или телятины в соусе с паприкой, луком, помидорами и т.д.’ [Komenda: 105], нем. *Tatar* (“татарин”) ‘блюдо из нежирного мясного фарша (говядины или конины), смешанного с луком, яйцом, перцем и солью, которое едят сырым’ [Komenda: 94]. Ср. также русск. простореч. *рыба по-сибирски* ‘сырая рыба’ [ЛЗА: Екатеринбург], болг. *цыганска ведричка* ‘смесь разнородных продуктов’ [ФРБЕ, 2: 498], польск. *czerkieski* ‘о скупом или легком обеде’ [SW, 1: 384]; ср. англ. *Scotch coffee* (“шотландский кофе”) ‘горячая вода, приправленная жженым печеньем’ [Partridge: 1021].

ЧЕЛОВЕК

В сфере “**Человек физический**” наиболее активна лексика, обозначающая **болезни и неприятные физиологические состояния**. Они воспринимаются как неожиданно овладевшие человеком, вторгшиеся извне, вредоносные. Наиболее характерна группа названий **кожных болезней**, высыпаний на коже, прыщей etc.: русск. влг. *барин-татапин* ‘нарыв, чирей, прыщ’ [СГРС, 1: 64], забайк. *татап* ‘болезнь, вызывающая, подобно чесотке, сильный зуд’ [СРГЗ: 409], блр. *жид-жидовына* ‘обращение к лишаю в заговоре’ [ПЗ: 214, № 356] польск. *żydówka* ‘язва, короста’, ‘карбункул’, ‘сибирская язва’ [SW, VIII: 733], кашуб. *vějesc žėdowi skvarki z patelni* (“съесть еврейские шкварки со сковородки”) ‘о человеке с гнойником на губе’ [Sychta, V: 68], чеш. *žid* ‘чирей, карбункул’ [PSJČ, VIII:

⁵ Ср. влг. *кайбан* ‘насмешливое название вепсов’ [КСГРС].

1040]. Особенно выделяются **сифилитические язвы** – и вообще **сифилис**, который в активном сознании носителей русского языка может иметь немецкое, татарское и французское “происхождение”: русск. сиб. *немцы* ‘о сифилитических язвах на коже’ (*Уж эти немцы, чуть только один съедет, глядишь уж их десяток*) [СРНГ, 21: 78], вятг. *татарская оспа* ‘сифилис’ [Попов: 346], простореч. *французская болезнь* ‘сифилис’ [Даль₂, IV: 538], жарг. *парижский, французский насморк* ‘гонорея, или триппер’ [БРЭР: 359], карел. (русс.) *фрянка* ‘нарыв, фурункул’ (*Никак сбуть не могу фрянки, от англичанов стали*) [СРГК, 6: 691], юж. влг. *хранц(ы)и, франец* ‘французская болезнь’ [Даль₂, IV: 564]. В других европейских языках преобладает версия о французском “происхождении” сифилиса, но, по законам ксеномотивации, указываются и другие варианты (приведем только их): польск. *łatanie włoskie* (“болезнь итальянская”) [SW, I: 771; VII: 657], нем. *Spanische Krankheit* (“испанская болезнь”), англ. (амер.) *Irish button* (“ирландская пуговица”), *Spanish pox* (“испанский сифилис”), франц. *mal d’Espagne, mal florentin, les prussiens*, порт. *mal de Castilla* [Winkler: 331] и мн. др.

Помимо кожных и венерических болезней, образы чужих земель используются в наименованиях **простудной лихорадки**, которая воспринимается как занесенная издалека, “надутая” чужими ветрами, ср.: русск. костр. *германское поветерье, сибирский ветер* [ЛК ТЭ], арх. *норвега* [КСГРС], русск. кубан., укр. *жидовка* ‘лихорадка, нападающая ночью’ [Белова 2005: 61]; в названиях заболеваний и состояний, которые сопровождаются **выделением крови**: русск. перм. *вятские приехали* ‘шутл. о menses’ [СПГ, 1: 154], жарг. *сестра из Краснодара приехала* ‘то же’ [ЛЗА: Екатеринбург], польск. *żydowska nietos* ‘геморрой’ [SW, VIII: 733] или **мочи**: чеш. *nětecká netos* ‘недержание мочи’ [Kott (př.1): 184]; в обозначениях неприятных физиологических состояний, которые не имеют видимой причины, но сопровождаются ощущением угнетения – **дремоты**: русск. ворон. *калмык на шею сел* ‘дремлет, хочется спать’ [СРНГ 12: 363], влг. *калмык на шее сидит* ‘о человеке, который хочет спать’ [КСГРС], польск. *żyda wozic, żyda bic* ‘дремля, “клевать носом”’ [SW, VIII: 732]; **головокружения**: русск. перм. *татапа (молотят) в голове* ‘о состоянии головокружения от усталости’ [Прокошева: 98], **чувства голода**: русск. костр. *немцы молотят / играют в брюхе* ‘о чувстве голода’ [ЛК ТЭ], словац. *cigáni mi v bruchu vyhrávajú (klince kuji)* (“цыгане у меня в брюхе играют / гвозди куют”) ‘о чувстве голода’ [SSJ, I: 169], *cigánska kapela* ‘о бурчании в животе от голода’ [HSSJ, 1: 185]; **дрожь, озноб**: русск. влг. *чухарики пошли* ‘о мурашках по коже’ [КСГРС], русск. простореч. (устар.) *цыганский пот (пробирает, прошибает, принимает)* ‘озноб, дрожь от холода, ощущение холода’ [ССРЛЯ, 10: 1584], укр. *циганський ніт* ‘дрожь’ [Гринченко, 4: 429], польск. *сугаńskie poty* ‘холодно, знобит’ [SGP, IV / 3: 580]; **чихания**: русск. влг. *цыган народился* ‘говорится при чихании’ [КСГРС], **щекотки**: кашуб. *tes żęda v kolańe* (“иметь жиды в колене”) ‘реагировать на щекотку’ [Sychta, VI: 296] etc.

Смежным по отношению к образу болезни, инициированной инородцами, является образ болезни и неприятных физиологических состояний как дальней поездки: русск. арх. *вернуться с Питера* ‘выздороветь’ [КСГРС], польск. *z Krakowa wróciła* ‘перенесла болезнь’ [SW, 2: 526].

Этот мотив объединяет образную фактуру наименований болезни с представлениями о **родах, рождении и смерти**. Ср. лексику, связанную с **родами**: русск. влг. *до Сибири съездить* ‘родить’ [КСГРС], тюмен. *до Москвы съездить* ‘родить’ [Лютикова: 39], польск. *rojechać do Krakowa* ‘рожать, произвести на свет ребенка’ [SW, II: 526], блр. у *Крычаў паехала* ‘говорят шуточно о женщине, болезнующей родами, под словом Кричев разумея крик от болей при родах’ [СБП: 19]. Если роженица трактуется как уехавшая в дальние края, то новорожденный – как приехавший оттуда: русск. карел. *лõпка (лõпень)*⁶ *наехала* ‘ребенок родился’ [СРГК, 3: 148]; ср. также обозначения некрещенных детей как инородцев (иноверцев): русск. карел. *лõпень, лõпка* [СРГК, 3: 148], простореч.

⁶ Ср. карел. (русс.) *лопка* ‘название женщины народа саами’, *лопин* ‘саам’ [СРГК, 3: 148].

цыганка [ССРГ: 533], польск. *zyd* [SW, VIII: 732], болг. *еврейче* [РБЕ, IV: 611], серб. *турче, бугарче, влашиче, циганчица* [СД, 2: 86] и др.

Симметрично по отношению к образу рождения разворачивается образ **смерти**, иронично представляемой как отъезд в теплые или богатые края: русск. жарг. (шутл.) *отправить в Сочи кого-л.* ‘убить кого-л.’ [БСЖ: 557], жарг. *уехать в Ташкент* ‘умереть’ [ЛЗА: Екатеринбург]; ср. также топоним *Московская Тропинка*, обозначающий тропу, которая ведет на кладбище (*Многие у нас мечтали в большой город поехать. Да не вышло. Все уж поумирали. А после смерти пусть им будет большой город*) [ТЭ: Митино Бабушкинск. р-на Вологодск. обл.].

Заканчивая краткий обзор лексики из сферы “**Человек физический**”, укажем, что ксенонимы могут использоваться также для обозначения некоторых **частей тела** – тех, что особенно **уязвимы к внешним воздействиям**, ударам и т.п.: русск. арх. *зырянская косточка* ‘одна из костей лодыжки, удар по которой является особенно болезненным’ [КСГРС], словац. *ciġánská žiŧa* ‘сухожилие под пяткой’ [SSN, I: 210], франц. *le petit juif* (‘маленький еврей’) ‘чувствительное место на локте’ [Robert, 5: 853], ср. русск. простореч. *жида убить* ‘сильно удариться локтем’ [ЛЗА: Москва], польск. *żida obucić* (‘жида разбудить’) ‘споткнуться о камень’ [SK, III: 140].

Что касается сферы “**Человек социальный**”, то она является, несомненно, самой обширной. Здесь представлены в первую очередь обозначения тех **черт характера, особенностей интеллектуального, культурного развития и поведения**, которые имеют наиболее универсальный характер и минимально зависят от образа жизни народа, национальной психологии. Это лживость, глупость, невоспитанность, лень, драчливость etc. В рамках данной сферы представлены также ксенонимические обозначения особенностей **коммуникации** – непонятной речи и неэтикетного поведения (ср. многочисленные примеры вроде *китайская грамота* и *уйти по-английски*). Негативная оценка этих свойств легко переходит в **обобщенную негативную оценку поведения, действий, характера** (признаки “плохо”, “неправильно”). Мы намеренно не приводим здесь перечни иллюстраций, поскольку продуктивность модели в данном случае не требует доказательств. Такие сводки следовало бы собрать полно и системно в рамках каждой конкретной языковой и культурной традиции (что не может входить в задачи настоящей статьи), а отдельные примеры не очень информативны. Кроме того, в лексике данной сферы ксеномотивационный компонент звучит слабее, чем в других, поскольку в процессе семантической деривации по формуле “человек” → “человек” преодолевается меньшее смысловое расстояние, чем, скажем, в случае “человек” → “растение”. Поэтому исходное представление об объекте, обозначенном производящим словом, более точно и менее искажено проецируется на семантическую структуру дериватов (разумеется, это не означает, что исходное представление объективно).

Ксенонимы функционируют и в других тематических сферах, но эти сферы либо являются более узкими, чем те, что были представлены выше, либо разнородными в мотивационном отношении (таковы, например, сферы “**Промежутки времени**”; “**Игры**”; “**Демонология** (в том числе формулы проклятий и отсылов)”). Тематический диапазон ксенонимов имеет существенную социолингвистическую обусловленность: в диалектной лексике (на которую преимущественно ориентирована настоящая статья) активны одни тематические группы, в жаргонной – другие. К примеру, сфера “**Демонология**” специфична для диалектного лексикона, в то время как сфера “**Сексуальное поведение**” заполняется большей частью жаргонизмами (см. германские и романские примеры в [Winkler: 333–334]).

Думается, что приведенного материала достаточно, чтобы сделать некоторые выводы.

Итак, объектом изучения в настоящей статье стала активная и достаточно регулярная мотивационная модель, реализация которой создает своего рода **мотивационное макрогнездо** – группу языковых фактов, возникших в результате семантической деривации и объединенных тематической общностью производящих слов, в данном случае – обозначений чужих народов и земель (о словесных объединениях такого типа, хотя с

иной внутрениней организацией (из-за различий в характере производящих слов), см. работы С. М. Толстой [Толстая 2003; 2004 и др.]. Данный словесный комплекс обнаруживает единство по разным параметрам. Чем оно обеспечивается?

1. Наличие у ксенонимов регулярных **номинативных параллелей**. Такие параллели могут быть внутривнездовыми и внешними.

Внутривнездовые параллели являются самым важным залогом единства макрогнезда, ср. примеры типа *цыганский дождь – жидовский дождь* ‘дождь при солнце’. При этом наиболее распространенными следует признать отношения “**синонимии**” (симилярности), реже встречаются случаи “**антонимии**” (оппозитарности), к которым можно причислить пары вроде русск. *русские бобы* ‘бобы, растение *Vicia faba*’ – *турецкие бобы* ‘фасоль’ [Даль, I: 101], зап.-укр. *зазуля руска* ‘кукушка’ – *вудвуд жидовски* ‘удод’ [Гура 1997: 600–601].

Самыми частотными являются такие параллели, которые объединяют лексику одной тематической микрогруппы, одного смыслового “регистра” (к их числу относятся приведенные выше примеры). Реже встречаются “**межрегистровые**” параллели, в которых участвуют элементы разных тематических микрогрупп. Ср., к примеру, факты смыслового параллелизма между обозначениями салных шкварок, кожных заболеваний и насекомых-паразитов: кашуб. фразеологизм *vějesc žědovi skvarki z patelńi* (“съесть еврейские шкварки со сковородки”) ‘о человеке с гнойником на губе’ обнаруживает переклички, с одной стороны, с ксенонимическими обозначениями корост, гнойников, с другой – с названиями шкварок.

Внешние номинативные параллели объединяют слова, которые принадлежат разным гнездам, но регулярно призывают одинаковые вторичные значения. В качестве внешних параллелей по отношению к обозначениям инородцев выступают названия животных (как правило, пейоративно оцениваемых – свинья, волк, медведь, собака), нечистой силы, нежелательных пришельцев – солдат или гостей, субъектов с низким социальным статусом – женщин и сирот, ср.: русск. арх. *татарский узел* ‘способ завязывания узла, при котором конец веревки идет в петлю с другой стороны, чем обычно, при завязывании так называемого *русского узла*’ = *бабий узел* [КСГРС]; нем. *Zigeunerlauch* (“цыганский лук”) ‘растение черемша’ = *Bärenlauch* (“медвежий лук”) [Анненков: 24]; русск. *татарское мыло* ‘растение *Saponaria officinalis*’ = *кукушкино мыло* = *собачье мыло* [Анненков: 315–316]; чеш. *něteská netos* ‘недержание мочи’ ≈ русск. простореч. *медвежья болезнь* ‘понос’; русск. *цыганский табак* ‘гриб-дождевик’ = иван. *чёртов табак* = *медвежий табак*, *волчий гриб* [Жмурко: 55]; русск. *вятские баню топят* = арх. *черти баню топят* = влг. *зайцы баню топят* ‘о тумане’ [КСГРС]; русск. *вятские приехали* ‘о мenses’, *сестра из Краснодара приехала* = жарг. *красные пришли, красная армия в гости пожаловала, тетка пришла* [Журавлев 2005: 399] = блр. *гости заехали* [ПЛНМ: 33]; русск. *немец, француз, швед* и др. ‘таракан’ = влг. *постоялец* [КСГРС] = калуж. *драгун* [СРНГ, 8: 169], влг. *майор, лейтенантик* [КСГРС]; русск. *цыганская зима* ‘теплая малоснежная зима’ = русск. литер. *сиротская зима* и мн. др. Факты “животного” параллелизма, наиболее распространенные в сфере фитонимов, высвечивают присущий образу инородцев признак дикости, некультурности; линия “инородцы – баба, сирота” подчеркивает их социальную ущербность; оппозиция “инородцы – черт” говорит о приписывании им сверхъестественных свойств etc. Вместе с тем условия номинативного функционирования соответствующих слов нивелируют эти тонкости, утверждая в качестве базы для развития значений обобщенную пейоративную семантику (“аномальный”, “дикий”, “являющийся испорченной копией нормального” и др.).

Номинативные параллели можно охарактеризовать также в лингвогенетическом плане. Если речь идет о разных диалектах одного языка или близкородственных языках, то параллели могут быть **междиалектными и межъязыковыми**. Факты вроде болг. *циганско лято* – англ. *Indian summer* ‘бабье лето’, польск. *ruski dar* (dzisiaj dał, jutro odebrał) (“*русский подарок*: сегодня дал, завтра отобрал”) [Барташевский 2005: 179] – англ. *Indian giver* ‘берущий обратно свой подарок’ [НБАРС, 2: 228] нельзя, разумеется, называть внутривнездовыми параллелями; это случаи **мотивационной типологии**.

Большую трудность в лингвогенетическом плане представляет квалификация примеров типа русск. арх. *Чухонский Ланоть* ‘созвездие Плеяды’ [Рут 1992: 54; АК ТЭ] – фин. *Venäjän Virsu* (“русский лапоть”) ‘то же’ [Рут 1988: 86]. Можно предполагать, что *Чухонский Ланоть* является калькой с финно-угорского источника (ср., кстати, еще удм. *Исьникут кизили* (“изношенный лапоть-звезда”) [Рут 1988: 85]): выбор такого направления калькирования предпочтителен потому, что охотники-финны более активны в номинативном освоении неба, чем земледельцы-славяне, которые “списали” у финнов целый ряд астрономов, см. [Рут 1988]. Таким образом, техника перевода здесь весьма своеобразна, поскольку это **калькирование с “переворачиванием”**. Языковые единицы такого рода занимают промежуточное положение между фактами контактного и типологического происхождения номинативных моделей. Механизм подобного калькирования схож с техникой “антонимического” оттачивания при переименованиях.

2. Наличие определенных **смысловых доминант, направляющих семантическое развитие слов**, входящих в макрогнездо. Обобщенная идея чужого распадается на несколько производных мотивов: “чужой” ⇒ “неправильный, аномальный (= антипод нормального)” ⇒ “двойник, суррогатная копия чего-либо”, “чужой” ⇒ “феноменальный, странный” ⇒ “парадоксальный, содержащий оксюморон”; “чужой” ⇒ “вторгшийся извне” ⇒ “вредоносный”, “чужой” ⇒ “плохой” ⇒ “некачественный” ⇒ “бесполезный, ненужный” ⇒ “лишний”; “чужой” ⇒ “нецивилизованный, дикий”; “чужой” ⇒ “непонятный” и т.п. Отдельные производные мотивы тяготеют к употреблению в конкретных смысловых сферах. Так, для названий небесных светил ведущей является мотивировка “антипод нормального”, “двойник”; для обозначений болезней – “вторгшийся извне”, “вредоносный”.

3. Наличие определенных **закономерностей организации** “принимающей семантики”, т.е. **реципиентной сферы**. Реципиентная сфера должна обладать таким внутренним устройством, которое бы стимулировало привлечение в нее донорских моделей и соответствовало принципам организации донорской семантической области. Например, при номинации небесных светил устанавливаются определенные отношения двойничества: луна – сниженный двойник солнца; неяркие созвездия – двойники более ярких (ср. для радуги: темная полоса – двойник более светлой). Для выражения этих смыслов хорошо подходят образы инородцев, составляющих “сниженную пару” к образу “своей” социальной или этнической группы. Отношения двойничества (установление качественно разных рангов для каких-либо парных явлений) усматриваются субъектами номинации в самых разных областях – например, для культурных и диких растений, животных, для благородных металлов и суррогатных сплавов и т.п.

4. Наличие **сквозных образных мотивов**, создающих единство образной “фактуры” наименований. Эти мотивы могут быть характерны как для одного конкретного деривационного гнезда, так и для всего макрогнезда в целом. Пример на первый случай – мотив дыма в образе цыгана, “проникающий” как во внутреннюю форму, так и в семантику языковых фактов, эксплуатирующих соответствующие представления: русск. *цыганский дым* (табак) ‘гриб-дождевик’, укр. *туман цыганы напускають*, польск. *cygański marsuran* ‘набивка курительной трубки’, *cygan, cyganek* ‘железная печь, которая дает мало тепла, но очень дымит’ [SW, I: 358], чеш. *sikánka* ‘вид трубки’ [PSJČ, I: 253] и др. Очевидно, причины появления этого мотива – черный цвет, являющийся доминантой образа цыгана, а также действующая в разных языках аттракция “цыган” – “сигара (цигара)”.

Что касается более широких образных мотивов, охватывающих разные деривационные гнезда внутри макрогнезда, то среди них можно назвать, например, мотив “нашествия” (“пришествия”), ср.: русск. *татары пришли* ‘об огрехах при косьбе’, *лопка (лопень) наехала* ‘ребенок родился’, *вятские приехали* ‘о мenses’, *чухарики пошли* ‘о мурашках по коже’, польск. *cygany (cygani) idą (jadą)* ‘о надвигающихся грозовых тучах’, кашуб. *žvejðe jadu* ‘собирается дождь’, *пермяки поехали* ‘о ветре, несущем дождь’ и т.п.

5. Наличие **связей между собственно языковой семантикой и внеязыковой символикой**. Языковые модели находят продолжение на уровне культурной символики, пред-

ставленной в фольклорных текстах, ритуалах и верованиях. Например, инородческий мотив в наименованиях болезней поддерживается и вне системы языка – в представлениях о том, что соответствующие заболевания свойственны инородцам, принесены ими и, по принципу симпатической магии, должны быть им же “отданы” назад. В фольклорных текстах болезни получают инородческие эпитеты, ср. белорусский заговор, в котором упоминается *9 болячок цыганських, 9 татарських* [ПЗам: 48]. В собрании М. Номиса приводится формула, которую, по поверьям украинцев, следует выкрикнуть вслед проезжающим евреям, чтоб они забрали с собой лихорадку: *Жиди, жиди! верніця, та візьми свою тітку* (лихоманку) [Номис: 20]. Происхождение ночной лихорадки *жидовки*, по бытующим на юге России и Украине представлениям, объясняется так: люди сначала не знали этой болезни, но когда Иродиаде принесли на блюде голову Иоанна Крестителя, она от ужаса впервые затряслась в лихорадке. От нее эта болезнь распространилась по всему свету [Белова 2005: 61]. В белорусском Полесье записаны заговоры от детской бессонницы с “инородческими” формулами отсыла болезни: *Ночниці, ночниці, Порвице жыдам подушки. Жыдом спаць не давайце, а мою Лёньцу спатць давайце; Ночниці, ночниці, на дзятятка сон наведзице, а идзице ў жыдовские падушки, параскидайце перья* [ПЗ: 70–71, № 84–85].

Все вышперечисленное обнаруживает весьма жесткую системную организацию изучаемого макрогнезда. Строгость структурных закономерностей предоставляет в распоряжение исследователя дополнительные аргументы, позволяющие решать вопрос о принадлежности того или иного факта к сфере ксенонимов. К примеру, одна из закономерностей, просматриваемая в нашем материале, состоит в том, что этноним, имеющий негативные коннотации, дает дериваты не в одном, а в нескольких тематических регистрах, при этом “степень пейоративности” прямо пропорциональна количеству тематических сфер, в которых функционируют дериваты (другими словами, чем ярче и сильнее негативная экспрессия производящего слова, тем шире спектр смысловых сфер, в которых функционируют его дериваты); более того, разные тематические регистры, как было показано выше, могут “проецироваться” друг на друга.

Конечно, помимо моментов сходства, между элементами разных структурных уровней макрогнезда есть и моменты отличий. Они проявляются в первую очередь в неравной номинативной активности микрогнезд, в неодинаковом соотношении экспрессии (оценки) и “реальной” информации в их составе (и применительно к различным тематическим регистрам) etc. Так, предсказуем тот факт, что лидерами по количеству вторичных номинаций, а также по “накалу” экспрессии в лексике восточнославянских языков (и, возможно, целого ряда других европейских языков) будут “цыган” и “еврей” – обозначения этносов, которые на протяжении многих веков являются “чужими среди своих” для восточных славян. Различия касаются также выбора самих объектов номинации, которые обозначаются с помощью вторичных этнонимов или топонимов: в некоторых случаях отдельные языки или диалекты обнаруживают “всплески активности” той или иной модели. К примеру, на Русском Севере сложилась “номинативная мода” на инородческие обозначения созвездий; в русском и немецком языке особенную популярность обнаруживает ксенонимическая “тараканья” модель; у южных славян очень активны “цыганские” наименования календарных периодов, характеризующихся возвратом температур (весенняя оттепель, бабье лето) и др. Пока можно говорить о причинах такой неравномерности лишь в самом гипотетичном виде; этот вопрос – как и многие другие – требует тщательного анализа проявлений ксеномотивации в различных тематических группах лексики, в разных языках и диалектах, что является программой дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азим-Заде 1979 – Э.Г. Азим-Заде. Русско-славянская астрономическая и метеорологическая терминология в сравнительно-историческом и типологическом аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.

- Айрапетян 2001 – В. Айрапетян. Толкуя слово: Опыт герменевтики по-русски. М., 2001.
- АК ТЭ – Астрономическая картотека Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).
- Анненков – Ботанический словарь: Справочная книга для ботаниковъ, сельских хозяевъ, садоводов, лѣсоводов, фармацевтовъ, врачей, дрогистовъ, путешественниковъ по Россіи и вообще сельскихъ жителей / Сост. Н. Анненковъ. СПб., 1878.
- Аркушин – Г.Л. Аркушин. Словник західнополських говірок. Луцьк, 2000. Т. 1–2.
- Ахтаров – Материали за български ботаниченъ речникъ (Събр. Б. Давидовъ и А. Явашевъ) / Ред. Б. Ахтаровъ. София, 1939.
- Баргминский 2005 – Е. Баргминский. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Пер. с польск. М., 2005.
- БД – Българска диалектология. Проучвания и материали. София, 1962–1981. Кн. I–X.
- БД ПА – Полесский архив: база данных (сектор этнолингвистики и фольклора, Ин-т славяноведения РАН).
- Белова 2004 – “Народная Библия”: Восточнославянские этимологические легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой. М., 2004.
- Белова 2005 – О.В. Белова. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.
- БНРС – Большой немецко-русский словарь. М., 2002. Т. I–II.
- Борхвальдт 2000 – О.В. Борхвальдт. Лексика русской золотопромышленности в историческом освещении. Красноярск, 2000.
- БРЭР – В.В. Химик. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.
- БСЖ – В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
- БТДК – Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
- ВРС – Венгерско-русский словарь / Сост. Л. Хадрович, Л. Галди. Будапешт, 1952.
- ГГ – Гуцульські говірки. Короткий словник. Львів, 1997.
- Геров – Н. Геров. Речникъ на българския език. Пловдивъ, 1895–1904. Ч. I–V.
- Геров – Панчев – Дополнение на българския рѣчникъ отъ Н. Геровъ (Събралъ, наредилъ и изгълкувалъ Т. Панчевъ). Пловдивъ, 1908.
- Гринченко – Словарь української мови / Упор. Б. Гринченко. Київ, 1996. Т. 1–4. (репринт издания 1907–1909 гг.).
- Губарева – В.В. Губарева. Словарь тамбовских говоров (лексика питания). Тамбов, 2003.
- Гура 1997 – А.В. Гура. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Даль₂ – В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1880–1882 (1955). Т. I–IV.
- Даль₃ – В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. СПб.; М., 1903–1909. Т. I–IV.
- Дзензелівський – Й.О. Дзензелівський. Програма для збирання матеріалів до Лексичного атласу української мови. Київ, 1987.
- ДСБ – Дыялектны слюўнік Брэстчыны. Мінск, 1989.
- Елезовић – Гл. Елезовић. Речник косовско-метохијског дијалекта // Српски дијалектолошки зборник IV. Београд, 1932; VI. Београд, 1935. Књ. I–II.
- Елистратов – В.С. Елистратов. Язык старой Москвы: Лингвонциклопедический словарь. М., 2004.
- Жмурко – О.И. Жмурко. Лексика природы: Опыт тематического словаря говоров Ивановской области. Иваново, 2001.
- ЖС – Жывёльны свет: Тэматычны слоўнік / Склад Дз. Астрэйка и др. Мінск, 1999.
- Журавлев 2005 – А.Ф. Журавлев. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева “Поэтические воззрения славян на природу”. М., 2005.
- Јовановић – В. Јовановић. Речник села Каменице код Ниша // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 2004. Књ. II.
- Кондратенко 2000 – М. Кондратенко. Лексика народной метеорологии: Опыт сравнительного анализа славянских и немецких наименований природных явлений. München, 2000.
- КСГРС – Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания, Уральский университет).
- КСРНГ – Картотека Словаря русских народных говоров (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург).
- Куликковский – Г.И. Куликковский. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

- ЛЗА – Личные записи автора (материалы современной русской разговорной речи, собранные преимущественно в Екатеринбурге и Москве).
- ЛК ТЭ – Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).
- Лютикова – *В.Д. Лютикова*. Словарь диалектной личности. Тюмень, 2000.
- Марковић – *М. Марковић*. Речник народног говора у Црној Реци // Српски дијалектолошки зборник XXXII. Београд, 1986.
- Мюллер – *В.К. Мюллер*. Англо-русский словарь. М., 1992.
- НВАРС – Новый большой англо-русский словарь. М., 2002. Т. 1–3.
- НБРФинС – Новый большой русско-финский словарь. М.; Хельсинки, 2000.
- Номис — *М. Номис*. Українські приказки, прислів'я та таке інше. СПб., 1864.
- Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук. СПб., 1852.
- ПЗ – Полесские заговоры (в записях 1970–1990 гг.). М., 2003.
- ПЗам – Поліські замовляння. Житомир, 1995.
- ПЛНМ – *М.В. Никончук, О.М. Никончук, В.М. Мойсієнко*. Поліська лексика народної медицини та лікувальної магії. Житомир, 2001.
- Попов – *Г.И. Попов*. Русская народно-бытовая медицина: По материалам этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева // М. Д. Торэн. Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967–. Вып. 1–.
- Прокошева – Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья / Сост. К.Н. Прокошева. Пермь, 1972.
- РБЕ – Речник на българския език. София, 1977–. Т. 1–.
- Редкин – *А.П. Рѣдкин*. Французско-русский словарь. СПб., 1906.
- РМЕ – Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања. Скопје, 1961–1966. Т. I–III.
- РСХКJ – Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад; Загреб, 1967–1976. Књ. 1–6. Рут 1988 – *М.Э. Рут*. Взаимодействие языков в области народной астронимии // Русский язык в его взаимодействии с другими языками. Тюмень, 1988.
- Рут 1992 – *М.Э. Рут*. Образная номинация в русском языке. Екатеринбург, 1992.
- СБП – *И.И. Носович*. Сборник белорусских пословиц. СПб., 1874.
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001–. Т. 1–.
- СГСЗ – Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1999.
- СД – Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995–. Т. 1–.
- Симоновић – *Д. Симоновић*. Ботанички речник: Имена биљака. Београд, 1959.
- СКЯ-Пунжина – Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.
- СОГ – Словарь орловских говоров. Ярославль, 1989–1991. Вып. 1–4; Орел, 1992–. Вып.5–.
- СОС – Смоленский областной словарь / Сост. В. Н. Добровольский. Смоленск, 1914.
- СПГ – Словарь пермских говоров. Пермь, 1999–2002. Вып. 1–2.
- СПЗБ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Мінск, 1978–1986. Т. 1–5.
- СПП – Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб., 2001.
- СРГА – Словарь русских говоров Алтая. Барнаул, 1993–1997. Т. 1–4.
- СРГЗ – *Л.Е. Элиасов*. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–. Вып. 1–.
- СРГО – Словарь русских говоров Одесщины. Одесса, 2000. Т. 1–2.
- СРГНО – Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.
- СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры. СПб., 2003–. Т. 1–.
- СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964–1987. Т. 1–7.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–. Вып. 1–.
- ССРГ – Словарь современного русского города / Под ред. Б. И. Осипова. М., 2003.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1948–1965. Т. 1–17.
- Толстая 2003 – *С.М. Толстая*. Семантическая реконструкция и проблема синонимии в праславянской лексике // Славянское языкознание. XIII Междунар. съезд славистов. Докл. российской делегации. М., 2003.

- Толстая 2004 – С.М. Толстая. Семантические корреляты слав. **сих*- // Язык культуры: семантика и грамматика. М., 2004.
- Толстая 2005 – С.М. Толстая. Полесский народный календарь. М., 2005.
- Толстой 1997 – Н.И. Толстой. Из географии славянских слов: 8. ‘Радуга’ // Н. И. Толстой. Избранные труды. Т. I: Славянская лексикология и семасиология. М., 1997.
- ТС – Тураўскі слоўнік. Мінск, 1982–1987. Т. 1–5.
- ТЭ – Топонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург)
- ФРБЕ – К. Ничева, С. Спасова-Михайлова, К. Чолакова. Фразеологичен речник на българския език. София, 1974–1975. Т. 1–2.
- ФРС – Финско-русский словарь. Таллинн, 1998.
- ФСРГС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1983.
- ФСУМ – Фразеологічний словник української мови. Київ, 1993. Кн. 1–2.
- ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978–. Т. 1–.
- Bartmiński, Lappo, Majer-Baranowska 2002 – J. Bartmiński, I. Lappo, U. Majer-Baranowska. Stereotyp Rosjanina i jego profilowanie we współczesnej polszczyźnie // Etnolingwistyka. Lublin, 2002. № 14.
- EDD – The English dialect dictionary / Ed. by J. Wright. Oxford, 1981. V. 1–VI.
- HSSJ – Historický slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1991–. Т. I–.
- Karłowicz – J. Karłowicz. Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. Т. 1–6.
- Kluge – F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 24. Berlin; New York, 2002.
- Komenda – B. Komenda. Holendrować z angielskim humorem: Słownik znaczeń sekundarnych nazw narodowości i krajów w języku niemieckim i polskim. Szczecin, 2003.
- Kott (př. 1) – F. Kott. Příspěvky k česko-německému slovníku. Praha, 1896. Sv. 8.
- OED – The Oxford English dictionary. Oxford, 1989. II ed. V. 1–XX.
- Partridge – E. Partridge. A dictionary of slang and unconventional English: colloquialisms, catch-phrases, solecisms and catachreses, nicknames and vulgarisms. New York, 1988.
- PSJČ – Příruční slovník jazyka českého. Praha, 1935–1957. D. 1–8.
- Robert – P. Robert. Grand Robert de la langue française. Paris, 1990. Т. 1–9.
- SGP – Słownik gwar polskich. Kraków, 1979–. Т. 1, z. 1–.
- SJP-Dor – Słownik języka polskiego / Red. W. Doroszewski. Warszawa, 1958–1969. Т. I–XI.
- SK – B. Sychta. Słownictwo Kociewskie na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, Łódź, 1980–1985. Т. I–III.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1958–1981.
- Snoj – M. Snoj. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 2003. 2 izd.
- SSJ – Slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1959–1968. D. 1–6.
- SSJČ – Slovník spisovného jazyka českého. Praha, 1960–1971. Т. I–IV.
- SSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1970–1991. D. 1–5.
- SSN – Slovník slovenských nářečí. Bratislava, 1994–. Т. I–.
- SW – J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1904–1927 (1952–1953). Т. I–VIII.
- Sychta – B. Sychta. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967–1976. Т. 1–7.
- Van Dale – Van Dale Groot woordenboek van de Nederlandse taal. 14 ed. (электронная версия)
- Winkler – A. Winkler. Ethnische Schimpfwörter und übertragener Gebrauch von Ethnika // Muttersprache. 1994. № 4.